

В субботу исполнилось 25-летие шахматной деятельности маэстро и сотрудника «Последних Новостей» Евг. А. Зноско-Боровского. По этому случаю многочисленные шахматисты и друзья юбиляра встретились на банкете, организованном в ресторане на плас де ла Бурс.

Юбиляр с супругой, встреченные шумными аплодисментами всех присутствующих, заняли места за почетным столом, рядом с чемпионом мира А. А. Алехиным и маэстро Бернштейном.

Первую речь произнес А. А. Алехин, отметивший заслуги Е. А. Зноско-Боровского перед шахматистами всего мира. Он — не только блестящий игрок и теоретик, но и популяризатор шахматного искусства, показывающий в шахматисте человека, его своеобразную личность.

Остроумную речь произнес г. Лазар, председатель шахматного клуба «Пале-Рояль», долготелним членом которого является юбиляр. Мэтр Бернштейн поднес Е. А. Зноско-Боровскому подарок шахматистов и в своей речи напомнил собравшимся, как юбиляр помешал ему взять

первый приз на турнире еще в... 1903 году. Были у него и другие замечательные победы. Е. А. Зноско-Боровский может гордиться партиями, выигранными у Чигорина и Капабланки.

В взволнованной и очень интересной речи Е. А. Зноско-Боровский горячо благодарил всех, приветствовавших его в дни юбилея, и поделился с присутствующими своими богатыми воспоминаниями; за четверть века сотрудничества в лучших русских газетах и журналах, непрерывных поездок по турнирам, встреч с лучшими шахматистами мира — у него есть что вспомнить... Тут и встречи с Чигориним, с которым Е. А. Зноско-Боровский играл незадолго до кончины великого русского чемпиона, и игра против Капабланки, и долготелняя дружба с А. А. Алехиным...

По окончании банкета присутствовавшие шахматисты немедленно расселись по столикам, на которых появились шахматные доски. И блиц-турнир с участием мастеров и любителей затянулся до поздней ночи.

«Последние Новости», Париж, 16 ноября 1931

Александр АЛЕХИН

Евг. А. Зноско-Боровский

(Несколько воспоминаний по поводу юбилея)

Первое мое воспоминание о Евг. А. Зноско-Боровском связано с III Всероссийским турниром в Киеве в 1903 году. Момент в истории развития русских шахмат тогда был интересный и важный: даже для малопосвященных результаты международных турниров рубежа столетия ясно указывали на медленный, правда, но неудержимый упадок творческой силы первого шахматного титана — М. И. Чигорина, и не было видно еще молодой смены. Из мастеров же чигоринского поколения — Шифферс и Алапин, в смысле международном, являлись лишь весьма средними силами, а Винавер к тому времени почти отстал от практических шахмат, да и помимо того, живя постоянно в Варшаве, на русскую шахматную жизнь влияния почти не оказывал. Первые два Всероссийских турнира (1899 и 1901 гг.), кончившиеся легкой победой Чигорина, ничего яркого в смысле молодых дарований не дали; интересен был разве москвич Гончаров, — но как в те времена, так и после он так и не дошел до настоящего международного класса. Неудивительно поэтому, что в семье русских шахматистов — тогда уже, благодаря чигоринской эпопее, достаточно многочисленной — понемногу начинала назреть тревога за ближайшее будущее, что после Чигорина станет с шахматами у нас? Кто с достоинством сможет через несколько лет представить нас на международной арене?

Публикация И. П. Хабарова

И киевский турнир 1903 года тем и был, главным образом, важен, что он на эти вопросы дал исчерпывающий ответ. Благодаря ему дальнейший путь развития русских шахмат оказался как-то сам собой на ближайшие годы намеченным: он совершенно неожиданно выявил ряд новых людей, некоторым из коих суждено было сыграть в будущем не только русского шахматного искусства, но и шахмат вообще незабываемую роль. Люди эти — поразительный в своем роде самородок, лодзинский купец и до этого лишь Kaffeehauspieler¹ Сальве; нелепо-бурный и интуитивно-глубокий, с проблесками подлинной гениальности киевлянин Дуз-Хотимирский; блестящий техник А. Рабинович; два «больших человека» в шахматах — молитвенно-углубленный Рубинштейн и полный неисчерпаемой энергии и молодого честолюбия Бернштейн. Наконец — представитель С.-Петербурга и предвозвестник короткого — слишком короткого «петербургского» периода русских шахмат — лицеист Зноско-Боровский.

Странна судьба Евгения Александровича в большинстве тех ответственных русских состязаний, в которых ему пришлось участвовать; редко будучи на первых местах (скажу далее свое мнение — почему), он почти неизменно своим вмешательством в решающую гонку между первыми призерами фактически решал судьбу состязания. Случайность? Не думается. Дело в том, что с первых же своих выступлений Зноско-Боровский выказал себя прежде всего влюбленным в шахматы художником-творцом; дух же борьбы в нем чувствовался значительно менее — в сравнении хотя бы с Бернштейном или Нимцовичем, не говоря уже о Боголюбове. Но тем более, в противовес этому, по существу эгоистическому, боевому началу, у него развито чувство истинной спортивности — желание, воля к тому, чтобы в борьбе победителем оказался действительно сильнейший, более достойный. И под влиянием этого-то величюго чувства Евгению Александровичу удавалось, на мой взгляд, сплошь и рядом то, к чему его не могла побудить жажда личного достижения. Так впервые случилось и в Киеве, где спортивные симпатии участников и вообще русских шахматистов были разделены надвое: с одной стороны — обаяние большого имени, благодарность за прошлый блеск и сочувствующая жалость к «умирающему льву» Чигорину; с другой — желание успеха наиболее блестящему в тот момент представителю молодых русских шахматистов О. С. Бернштейну. Чаения и той и другой стороны, в общем, оправдались: Чигорин был первым, Бернштейн «только» вторым, но... выигравшим свою индивидуальную партию у Чигорина. Решающим же моментом в турнире явился проигрыш Бернштейна Зноско-Боровскому, быть может, даже подсознательно стремившегося к тому, чтобы первый вдохновитель русских шахмат на конце своей карьеры не был лишен одной из последних своих радостей...

В ближайший год после Киева у Зноско-Боровского был большой шахматный взлет: завоевание международного мастерства в Нюрн-

берге в 1906 году; прекрасные как спортивные, так и качественные успехи в Остендских турнирах 1906—1907 гг. Мне этот взлет тем более памятен, что он совпал с моим приобретением к практическим шахматам, началом посещения Московского шахматного кружка. В этот период успехи Евгения Александровича, его отдельные блестящие партии (как, например, с Шпильманом в Нюрнберге, с Тейхманом, Блэкберном и ван-Флитом в Остенде) постоянно заставляли меня вспоминать о полудетском лице 19-летнего лицеиста на групповом фото киевского турнира 1903 года. В 1908 году умер Чигорин. Приблизительно год («спустя») после этого С.-Петербургское шахматное собрание (одним из деятельнейших руководителей которого был Евгений Александрович) решило организовать большой конгресс, посвященный его памяти. В программу этого конгресса входили международный турнир и турнир сильнейших любителей (не имевших звания мастера). Перед устроителями, среди многих других, встал вопрос: в какой из двух этих турниров записать меня — 16-летнего гимназиста, не имевшего еще формального звания? Большинство членов комитета, как я узнал потом, стояло за мое участие в международном турнире, и только один — или почти один — Зноско-Боровский понял, какую опасность в смысле дальнейшего развития дарования такого совсем малоопытного игрока, каким я был, представляют последствия почти неизбежного неуспеха в международном турнире мастеров. Вследствие настояний Евгения Александровича я был принят лишь в турнир любителей, из которого мне и удалось выйти победителем — с новой верой в себя, с новым честолюбием, с новой жаждой самоусовершенствования. Это был первый раз, когда Зноско-Боровский, с которым я тогда еще не был знаком лично, сделал мне большое шахматное добро.

Был ли петербургский конгресс для него самого добром или злом? На этот вопрос только он сам может ответить, но, во всяком случае, 1909 год знаменует в шахматной жизни Зноско-Боровского начало того, что трудно назвать иначе, как его **подвигом**; из того факта, что он крайне неудачно сыграл в международном турнире, Евгений Александрович, сделав соответствующие выводы, нашел для себя необходимым — любя шахматы, находя в них радость, — отвести их с первого плана своей жизни. Правда, многие, очень многие игроки бросают шахматы; но в большинстве случаев это люди слабо одаренные. Те же редкие мастера, которым это удается, бросают их совсем и навсегда. Отойти же от шахмат как самоцели в жизни, не порывая с ними и давая им столько, сколько нужно **для себя**, стать — при полной возможности внешних успехов и внутреннего удовлетворения — господином этой наркотической игры-искусства и избежать хотя бы частичного пленения своей мысли 64-мя клетками доски — это дано очень немногим. И в этом искусстве — подвиг Зноско-Боровского.

Последствия нового «свободного» подхода к

шахматам быстро стали сказываться: с 1910—1911 гг. начинается шахматная литературная деятельность Евгения Александровича. Помимо специального исследования о гамбите Муцио², свидетельствующего о незаурядном аналитическом таланте, он выпускает свои «Пути развития шахматной игры»³, в которых дает блестящую характеристику выдающихся мастеров-современников. Затем он, почти один из первых, открывает Капабланку в специальной монографии⁴, посвященной начинавшему тогда свою победоносную карьеру кубинцу. В этой монографии поразительнее всего, пожалуй, контраст между незначительностью практического материала, имевшегося под рукою у Зноско-Боровского (так как партии Капабланки в это время известно было лишь очень мало), и почти пророческою точностью его обобщающих выводов на основании этого материала. Уже по этим немногим трудам шахматисты — и не только русские — поняли, что от Зноско-Боровского как педагога и мыслителя можно ожидать очень многого: надежды их не обманули.

Настали 1913—1914 гг., последние годы нормальной русской шахматной жизни, наиболее яркого, пожалуй, ее расцвета. В противоположность 1903 году Россия уже имела своими представителями на международных шахматных состязаниях более десятка признанных мастеров. Крупнейшие столичные газеты: «Речь», «Новое время» и другие и ряд московских и провинциальных изданий открыли на своих столбцах постоянные, обстоятельные шахматные отделы; близилось время оформления идеи Всероссийского шахматного союза. Словом, все данные для осуществления зимой 1913—1914 гг. — юбилейных годов Петербургского шахматного собрания — еще более значительных шахматных празднеств, чем в 1909 году, были налицо.

Начались эти празднества в конце 1913 года сенсационными гастролями Капабланки. Как известно, единственным, кому удалось победить кубинца в этот его приезд, был Зноско-Боровский. Победа эта, вероятно, придала ему новую веру в свою практическую силу, новый «вкус» к игре за доской, так как он в тотчас же последовавшем Всероссийском турнире мастеров дал ряд ценных партий и получил хороший приз. И, кроме того, в этом турнире ярче, чем когда бы то ни было, сказалась его «судьба» — решающим образом влияя на исход борьбы за первый приз. Дело было так: с момента начала турнира фаворитами были Нимцович и я. До предпоследнего тура мне удалось удержать лидерство, и оставалось сыграть две партии: с совсем новичком тогда, худеньким, скромненьким киевским студентом Боголюбовым, и с матерым аналитиком, но, по существу, безыдейным и уставшим от шахмат Алапиным. Первую из этих партий я, уже имея лишнюю фигуру (всякий шахматист поймет, что это значит в борьбе мастеров), нашел возможность проиграть моему будущему противнику в матче на чемпионат мира. После этой невероятной партии оказалось следующее: Нимцович нагнал меня,

что не было бы еще особой бедой, но больше того — нас обоих переиграл варшавский игрок Флямберг, спокойный, опытный мастер, класс которого был, однако, по существу, определенно ниже нашего. И вот этому-то troisième larron⁵ пришлось в последний день турнира встретиться именно с Зноско-Боровским. Конечно, каждый игрок борется прежде всего за себя — но в данном случае, так же как и в Киеве в 1903 году, основательным импульсом Евгения Александровича, позволившим ему дать свой максимум, побить Флямберга и тем сделать возможным участие Нимцовича и мое в интереснейшем Grossmeister-турнире, несомненно, было чисто спортивное желание видеть победу лучших. В итоге турнир окончился так, как все ожидали, и как это, по существу, следовало: я выиграл у Алапина, Нимцович у Левенфиша — а Флямберг, благодаря своему проигрышу Зноско-Боровскому, отпал на третье место. Этим днем начался новый важный этап моей шахматной карьеры.

В военные и тем более революционные годы мне редко приходилось встречаться с Евгением Александровичем — было не до шахмат, жизнь шахматная в России, как и многое другое, сделала «стойку». Встретились мы в эмиграции в Париже — и с первого же разговора я увидел в Зноско-Боровском все то же отношение к шахматам: любовь — и вместе с тем полная внутренняя от них свобода. Он доканчивал в то время замечательную по замыслу книгу «Средина игры в шахматы»⁶. Говорю — по замыслу, потому что развитие темы и некоторые выводы несколько рознятся с моими взглядами. Но самый факт провозглашения и обоснования необходимости отведения аналитическому способу подхода к структуре шахматной борьбы второстепенного места, принятие за основную ценность известные обобщающие законы, которым должна подчиниться вся прежняя полусхоластическая «наука», — одна эта идея является уже ценным вкладом в сокровищницу шахматной истории. К тому же очень легко практиковать, нетрудно улучшить, идя по уже намеченному другими пути. Трудно лишь творить. А Зноско-Боровский, несомненно, является одним из наиболее крупных современных шахматных творцов-мыслителей.

Хочется поделиться еще одной встречей с Евгением Александровичем вне Парижа, во вре-

Примечания редакции

1. Kaffeehauspieler (нем.) — кафежный игрок.
2. «Muzio-Gambit» (Leipzig, 1911).
3. «Пути развития шахматной игры» (Петербург, 1910).
4. «Х. Р. Капабланка. Опыт характеристики» (Петербург, 1911).
5. Troisième larron (фр.) — досл. третий разбойник. Так говорят о человеке, который извлекает выгоду из конфликта между двумя другими людьми.
6. На русском языке книга вышла под названием «Теория середины игры в шахматах» (Москва, 1925).

меня небольшого турнира в Бирмингеме. Это было в 1926 году, перед моим отъездом в Буэнос-Айрес, где на следующий год намечался мой матч с Капабланкой. За предшествовавший период я много работал над своим стилем, стремясь к предельной легкости и внешней простоте, являвшимся всегда отличительными качествами моего будущего противника. Мне казалось, что в этом стремлении я к тому моменту достиг вполне удовлетворительных результатов. И вот в Бирмингеме, разговаривая с Евгением Александровичем на тему о подготовке к матчу, я вызвал его возражение-вопрос: «А не боитесь ли вы того, что, искусственно иссушая свой стиль, вы утратите вместе с тем то, что до сих пор являлось его сущностью — темперамент, боевое начало? И не явится ли потеря гораздо большей, чем то приобретение, к которому вы стремитесь?» Трудно проследить, каковы внутренние пути творчества шахматного, как и всякого другого. Я знаю лишь, что этот разговор в Бирмингеме долго оставался у меня в памяти и что он породил во мне некоторый страх за свою фантазию и опасения хотя бы частичного ее ослабления. Следствием этого опасения являлся, вероятно, новая подсознательная пере-

оценка ценностей, приведшая к тому, что в период, непосредственно предшествовавший матчу в Буэнос-Айресе, партии мои стали опять ярче, цельнее и что вера моя в благополучный исход матча к началу его сделалась сильнее, чем когда-либо.

Вспомнился мне этот маленький факт как показатель той неизменной ценности, которую представляет для всякого шахматиста, от малого до великого, общение — лично или через посредство его книг — с Зноско-Боровским — пламенным жрецом и хладнокровным любовником шахматной богини Каиссы. В день его юбилея мне — уже и еще — не суждено поздравить его от имени шахматной России: там есть много шахматистов, приученных ненавидеть нас обоих, и которым я (и, уверен, Евгений Александрович тоже) искренне желаю, несмотря ни на кого и ни на что, развития и укрепления их дарования. Но зато я убежден, что вся большая, не зараженная большевистским дурманом часть шахматного мира от души присоединится к моему сегодняшнему желанию Е. А. Зноско-Боровскому еще многие, многие годы продолжать его многогранную деятельность на пользу нашего искусства.

«Последние Новости», Париж, 14 ноября 1931

Из обширного творческого наследия Е. А. Зноско-Боровского мы выбрали партию, которая наверняка была одной из памятных для Евгения Александровича, — в ней ему удалось добиться почетной ничьей против самого Алехина. Разобраться во всех хитросплетениях этого увлекательного поединка вам помогут примечания Алехина, взятые из его книги «На пути к высшим шахматным достижениям».

Защита Алехина В03
ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ
АЛЕХИН

Париж, 1925

1. e4 Kf6 2. e5 Kd5 3. c4 Kb6 4. d4 d6 5. f4 de 6. fe Kc6 7. Ce3 Cf5 8. Kf3 e6 9. Kc3.

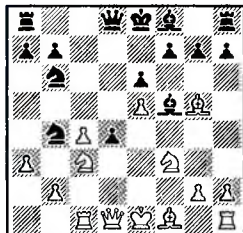
Правильно здесь 9. a3, препятствуя атаке черных на центр. Ход в тексте позволяет черным с легкостью уравнивать игру.

9... Kb4 10. Лc1 c5 11. a3 cd.

Здесь белым следовало искать уравнивания посредст-

вом 12. K:d4 Kc6 13. K:c6 Ф:d1 14. Л:d1 bc. Избранный ими ответ вызывает естественную жертву ферзя, которая должна была привести к победе.

12. Cg5.

12... dc!

На всякий другой ответ (f7—f6, Ce7, Фd7 или Фc8) следовало бы 13. ab или 13. Kb5, что в пользу белых. Между тем предпринятая черными комбинация должна была дать их фигурам решающую атаку на позицию короля.

13. C:d8 Л:d8.

Оплошность, которая в дальнейшем сильно подорвала у меня вкус к борьбе

и в конце концов привела к тому, что я выпустил из рук победу. Правильно было первоначально задуманное мною взятие 13... cb. Борьба после этого могла бы развернуться примерно так: 1) 14. C:b6 (если 14. ab, то 14... Л:d8, и черные выигрывают) 14... bcФ 15. Ф:c1 Kc2 16. Kf2 ab и затем Cc5 или Л:a3; 2) 14. Cg5! bcФ 15. C:c1 Kc2 16. Kf2 Лd8 17. Фе2 Cc5 18. Kpg3 0—0 с угрозами Cd3 или хотя бы просто K:a3.

В обоих случаях черные при материальном перевесе сохраняли сильные угрозы и без сомнения выиграли бы — результат, который достигался и после слишком «просто» хода в тексте, но ценой несравненно больших усилий.

14. Фb3! cb 15. Ф:b2 Ka4 16. Фa1.

Силу этого ответа я недооценил, делая свой 13-й ход. Всякий другой ход белых проигрывал.

16... Kc2.

А. Алехин, Е. Зноско-Боровский и О. Бернштейн. Париж, 1928.

Гораздо важнее, чем этот немедленный выигрыш качества, было бы уничтожение белопольного слона противника. После 16... Кd3 17. С:d3 Л:d3 белые не могли рокировать из-за потери ферзя — 18... Л:a3, и самое лучшее, что для них оставалось, это самим жертвовать качество, да еще пешку вдобавок: 18. с5! С:c5 19. Л:c5 К:c5 20. 0—0. Но тогда черные, продолжая 20... 0—0 21. Кd4 Сg6 и т. д., сохраняли решающий материальный перевес.

17. Л:c2 С:c2 18. Кd4 Сg6.

Этот ход сильнее, чем соблазнительное с виду 18...Се4, так как им черные избегают размена своего королевского слона в варианте 19. Кb5 Сс5 20. Кd6 Кре7!, который в пользу черных (нельзя 21. К:b7 из-за 21... Лb8!, и черные выигрывают). Но теперь белые другим способом достигают интересной контригры.

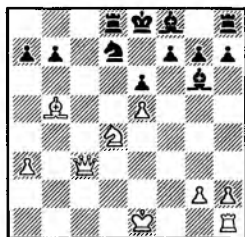
19. с5! К:c5.

Здесь я затратил немало времени на обдумывание комбинации с жертвой фигуры посредством 19... С:c5 (не годится 19... а6 ввиду 20. с6!). После 20. Сb5 Кре7 21. Кb3 Сb6! 22. С:a4 Лd3 с угрозами Ле3 и Лhd8 положение белых выглядело крайне незавидным. Однако у них находилась единственная, но достаточная защита 23. Кс1! Ле3 24. Ке2 Сh5 25. Cd1 с постепенным освобождением,

например: 25... Лd8 26. Фb2 Лd4 27. h3 и т. д.

Поэтому скромный ход в тексте является единственным правильным продолжением.

20. Сb5 Кd7 21. Фc3 (все это разыграно белыми с большим хладнокровием).

21... а6.

В третий раз черным представлялась возможность победы, но, разочаровавшись и упав духом после своих предыдущих промахов, они остаются слепы. Решающим выигрышем темпа было 21... Се7, так как ответа 22. Фc7, кажущегося очень грозным, на самом деле нечего было бояться, например: 22... а6 23. Са4 Се4! 24. 0—0 b5 25. Сс2 Сс5, легко освобождаясь.

Теперь же белые остроумной жертвой фигуры избавляются от всяких опасностей и, располагая верной ничьей, некоторое время пытаются даже играть на выигрыш.

22. С:d7 Л:d7 23. Фс8 Лd8 24. Ф:b7! Л:d4 25. Фс6 Лd7 26. 0—0! Cd3.

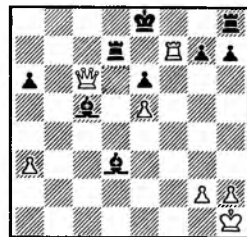
Самой простой защитой против грозящего выигрыша

ладьи было 26... Кре7. на что белым лучше всего было сразу делать ничью при помощи вечного шаха, ибо 27. Лс1 опровергается посредством 27... f6! Однако я хотел спровоцировать своего противника на дальнейшие осложнения, и этим объясняется мой последний ход.

27. Л:f7.

Черные достигли своей цели! Путем 27. Фс8 сразу вынуждалась ничья.

27... Сс5! 28. Крh1.

28... Сb5!

Черные избежали серьезного соблазна 28... Се7 29. Ф:e6 Сg6!? 30. Л:e7 Л:e7 31. Фс8 Крf7 32. Ф:h8 Л:e5! 33. Крg1 Ле8, выигрывая ферзя. Дело, однако, в том, что белые могли сыграть просто 30. Лf1! (вместо 30. Л:e7?), получая в связи с угрозами 31. Ф:a6 и 31. Лс1 лучшую партию.

29. Ф:e6 Ле7.

Конечно, не 29... Се7 ввиду 30. Л:e7 и т. д. Плохо было и соблазнительное 29... Крд8, так как после 30. Л:d7 С:d7 31. Фd5! Лf8 32. g4! терялась фигура.

30. Л:e7 С:e7 31. Фс8 Cd8 32. Фе6 Се7.

Проще всего. На 32... Крf8 последовало бы 33. а4! С:a4 34. Фf5, и если 34... Кре7?, то 35. Фg4! Лf8 36. Фb4, и белые выигрывают, между тем как правильный ответ 34... Кре8 после 35. Фе6 опять приводил к ничьей.

33. Фс8 Cd8 34. Фе6. Ничья.

После своей неудачной попытки на 12-м ходу мой противник безупречно использовал все шансы на спасение и проявил выдающееся тактическое искусство.

ОСКОЛОК «РАЗБИТОГО ВДРЕБЕЗГИ»

К шахматному портрету Зноско-Боровского, выпisanному Алексиным с тщанием и любовью, трудно что-то добавить. В целом же личность Евгения Александровича настолько масштабна и многогранна, что, право, не знаешь с чего начать. Памятуя, однако, что нельзя объять необъятное, начну просто с биографии, благо под рукой есть такой надежный источник, как... автобиография. Правда, не от первого лица: ведь взята она из турнирного сборника, редактором которого был сам Зноско-Боровский.

«Родился 16(28) августа 1884 г. в Павловске Петербургской губернии. Познакомился и начал увлекаться игрой очень рано, приблизительно с 1895 г. Сперва играл дома, а с 1898 г.— в Императорском Александровском лицее, куда он в том году поступил. Здесь Евг. А. скоро занял первое место... Бывая иногда в клубах, которые в то время существовали в Петербурге, он не принимал, однако, участия в состязаниях, которые там устраивались; серьезная игра Евг. А. начинается со времени возникновения кружка, из которого развилось впоследствии СПб шахматное собрание, так что вся его шахматная деятельность неразрывно связана с этим Собранием».

Добавлю, что у истоков С.-Петербургского шахматного собрания стояли и два его старших брата — Николай и Сергей, причем второй, судя по всему, оказал наибольшее влияние на шахматное формирование «Евг. А.». К сожалению, он рано умер, в возрасте всего 32 лет.

Но вернемся к биографии: «В начале 1904 г. Собрание намеревалось устроить четвертый матч-турнир сильнейших петербургских игроков (Шифферс, Левин, Чигорин и Евг. А.), но он расстроился, т. к. Чигорин отказался участвовать... В том же году Евг. А. отправился на войну, и она, лишив его необходимой практики, надолго затормозила развитие его шахматных способностей».

Как говорится, нет хуже без добра. Помешав шахматному становлению Зноско-Боровского, русско-японская война зато дала толчок развитию его... драматургического таланта! Не

знаю, пользовалась ли успехом у зрителей его пьеса «Крейсер «Алмаз» (Цусима)», но в 1910 году она вышла отдельным изданием. Между прочим, о шахматах в пьесе ни слова: как уже, наверное, догадался читатель, они были вовсе не единственным увлечением Зноско-Боровского.

* * *

Тот мощный всплеск русской культуры, который пришелся на начало нынешнего столетия и получил название «серебряный век», имеет одну парадоксальную на первый взгляд особенность: все его виднейшие представители, несмотря на подчеркнутый внешний индивидуализм, в действительности тесно связаны между собой, существуют в пространстве не каждый сам по себе, а как бы дополняя друг друга, составляя единое целое. Задев одну струну, неизбежно вызываешь звучание всего оркестра... В чем тут причина? Может быть, в том, что классическое образование объединяло людей прежде всего духовно, не зависимо от профессий, интересов, партийных различий, а по одному родовому признаку — принадлежности к мировой культуре...

Один из самых известных тогдашних кружков собирался на квартире поэта Вячеслава Иванова. В течение трех лет его бесменным председателем был Николай Бердяев. Да-да, тот самый! «Так называемые «среды» Вяч. Иванова — характерное явление русского ренессанса начала века,— вспоминал он в книге «Самопознание».— На «башне» — так называлась квартира Ивановых на 7-м этаже против Таврического сада — каждую среду собирались все наиболее одаренные и примечательные люди той эпохи, поэты, философы, ученые, художники, актеры, иногда и политики».

Так вот, по свидетельству Андрея Белого, на этих «средах» бывал и Зноско-Боровский, приглашаемый, правда, не за свои шахматные заслуги, а как секретарь знаменитого журнала «Аполлон!» Оказывается, Евгений Александрович был не только известным шахматистом, но и талантливым критиком — театральным, музыкальным, литературным. Его перу принадле-

жат статьи о Блоке, Ахматовой, Андрее Белом, Гумилеве... С именем последнего, кстати, связана одна из «исторических страниц» жизни Зноско-Боровского.

Дело было поздней осенью 1909 года. В результате ссоры Гумилев вызвал Волошина на дуэль. Эта едва ли не последняя в русской литературе дуэль состоялась 22 ноября на Черной речке, неподалеку от места, где был смертельно ранен Пушкин. Секундантами Волошина были Алексей Толстой и князь Шервашидзе, а у Гумилева — поэт Михаил Кузмин и... Зноско-Боровский!

...Узнавие «Евг. А.» только начинается, его наследие огромно. Конечно, рано еще делать какие-то выводы, но сдается мне, что певцам нашего «шахматного соцреализма» придется потесниться. Сошлюсь на мнение человека, который, как никто другой, понимал толк в русском языке. И в шахматах, между прочим, тоже разбирался. «Зноско-Боровский, сам талантливый игрок, пишет о шахматах мастерски,— это из рецензии Владимира Набокова на книгу «Капабланка и Алехин» (1927).— ...Отмечаю необыкновенную живописность некоторых выражений автора и бодрый, крепкий темп всего изложения. Зноско-Боровский пишет о шахматах со смаком, сочно и ладно, как и должен писать дока о своем искусстве». А в 1931 году, по случаю юбилея Евгения Александровича, Набоков посвятил ему этюд — свидетельство уважения, которого удостоивались немногие!

На смерть русского шахматиста в декабре 1954 года откликнулись газеты и журналы всего мира. Вот сообщение из нью-йоркского «Нового Русского Слова»: «В санатории под Парижем скончался после продолжительной болезни известный шахматный мастер и теоретик Евг. А. Зноско-Боровский. Недавно Французская шахматная федерация чествовала его по случаю 70-летия».

Стоит ли уточнять, что советская пресса «не заметила» кончины Зноско-Боровского, впрочем, так же как в начале 30-х — его юбилея.